

18+

ПАРАЛИЧ ЖИЗНИ

2

ЗАБВЕНИЕ

ГЛЕБ ТРОФИМОВ

Глеб Трофимов

Паралич жизни. Забвение

«Издательские решения»

Трофимов Г. Д.

Паралич жизни. Забвение / Г. Д. Трофимов — «Издательские решения»,

Он создал этот мир. Он создал всех. Но он не помнит этого. Он считал их друзьями. Он скорбел о них. Он не знал, что сам дал им жизнь. Правда просачивается сквозь бумагу. Мир, который он написал, больше ему не подчиняется. Голоса зовут из тумана. Записки появляются сами собой. Он не хотел быть богом, но теперь не может остановиться. Забвение — цена за то, что ты создал реальность, которой не можешь управлять. Надежда убивает сильнее всего. Вторая книга дилогии.

Содержание

Глава 1	6
Часть 1. Пять лет спустя	6
Часть 2. Информация о Элис	8
Часть 3. Память	10
Часть 4. Клиника	13
Часть 5. Отель	15
Часть 6. Страница	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Паралич жизни. Забвение

Глеб Данилович Трофимов

© Глеб Данилович Трофимов, 2026

ISBN 978-5-0071-1562-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Часть 1. Пять лет спустя

18 февраля 2005 года.

Снег лежал на могильных плитах — не свежий, а тот, что выпал неделю назад: слежавшийся, серый по краям, тронутый оттепелью и снова застывший. Кладбище было тихим, как бывают тихими только кладбища в будний день: ни посетителей, ни смотрителя, только вороны на голых ветках и далёкий гул трассы, который здесь казался не громче дыхания.

Их было пятеро.

Лиам стоял, засунув руки в карманы чёрной куртки — той самой, которую он носил ещё в Отеле, только теперь она была не толстовкой, а настоящей, взрослой, купленной на распродаже два года назад. Он вырос. Раздался в плечах. Перестал прятать глаза, но так и не научился смотреть на людей дольше нескольких секунд. Наушники всё ещё висели на шее, и в них по-прежнему не играла музыка.

Клара стояла рядом, держа в руках небольшой букет — белые гвоздики, которые она купила у метро. Её короткие русые волосы были прихвачены инеем. Она похудела за эти годы, или, может быть, просто стала старше — тени под глазами теперь были не от бессонницы, а от работы. Она всё ещё работала в онкологии. Всё ещё видела смерть чаще, чем хотела бы. Но теперь она научилась с ней говорить. Или ей так казалось.

Чуть поодаль стояли Марта и Оливер. Марта опиралась на трость — не ту, с волчьей головой, что была у Виктора, а простую, деревянную, купленную в аптеке. Её серебряные волосы были убраны в тот же аккуратный пучок, что и пять лет назад. Кардиган — тот самый, персиковый, — был застёгнут на все пуговицы, но всё равно не спасал от февральского ветра. Она мёрзла, но не жаловалась. Она вообще никогда не жаловалась.

Оливер стоял последним. Чуть в стороне. Как будто не был уверен, имеет ли право стоять вместе со всеми. Его очки в золотой оправе запотели от дыхания, и он то и дело снимал их, протирая краем шарфа и снова надевал. Вельветовые брюки были всё те же, что и пять лет назад, — или, может быть, другие, но точно такие же. Он мало изменился внешне. Но внутри — внутри что-то происходило. Что-то, о чём он никому не рассказывал.

Пятый человек стоял чуть поодаль — Маркус. Он не был частью их круга. Он не знал ни Джона, ни Элис так, как знали они. Но именно он когда-то посоветовал Джону «Паралич жизни». Именно он дал адрес клиники. И теперь он приходил каждый год — то ли из чувства вины, то ли из странного, необъяснимого чувства причастности. Он не говорил об этом. Просто стоял, мня в руках сигарету, которую так и не закурил, и смотрел на две могильные плиты, стоявшие рядом.

Джон. Элис.

Ни дат рождения. Ни эпитафий. Только имена и одна общая дата смерти — 18 февраля 2000 года. Их похоронили вместе, потому что хоронить было некому. У Джона не было родственников. У Элис — тоже. Их имущество ушло в счёт долгов. Их квартиры заняли другие люди. Их вещи выбросили или раздали. Всё, что от них осталось, — два имени на сером камне и пять человек, которые приходили каждый год.

— Пять лет, — произнёс Лиам. Голос его прозвучал глухо, без интонации.

Никто не ответил. Да и что тут было отвечать?

Клара присела на корточки и положила гвоздики на снег. Белые лепестки почти сразу слились с серым фоном. Она провела пальцем по выбитым буквам — «Джон» — и ничего не сказала.

Марта перекрестилась. Оливер смотрел куда-то в сторону, на голые деревья, на ворон, на серое небо — куда угодно, только не на могилы.

А потом Лиам сказал то, чего не говорил никогда раньше:

— Я хочу узнать, почему они это сделали.

Клара подняла голову.

— Мы знаем, почему, — тихо сказала она.

— Они не могли без друг друга.

— Нет, — Лиам покачал головой.

— Я не про это. Я хочу узнать, кем они были. До Отеля. До клиники. До всего. Какими они были там, в реальности?

Он повернулся к остальным.

— Мы даже не знаем их фамилий. Мы провели с ними месяцы — и не знаем, кто они. Откуда. Почему у них никого не было. Это... — он запнулся. — Это неправильно.

Оливер наконец перевёл взгляд на него. За стёклами очков его серые глаза казались ещё более уставшими, чем обычно.

— Ты хочешь раскопать прошлое

двух мёртвых людей, — сказал он медленно.

— Зачем?

— Потому что мы — всё, что у них осталось, — ответил Лиам.

— Больше никто не придёт. Никто не вспомнит. Никто не расскажет. Если не мы — то кто?

Маркус, стоявший поодаль, тихо кашлянул.

— Я могу помочь, — сказал он.

— Я знаю, где Джон работал. Я могу спросить.

Клара поднялась с корточек, отряхнула снег с колен.

— А я могу поднять медицинские записи. Если они сохранились.

Оливер молчал. Он смотрел на могильные плиты, и в его глазах читалось что-то странное — не печаль, не вина, а скорее предчувствие. Как будто он знал, что если они начнут копать — назад дороги не будет. Но он ничего не сказал.

Просто кивнул.

— Хорошо, — сказал он.

— Давайте узнаем.

Часть 2. Информация о Элис

С Элис оказалось сложнее. Гораздо сложнее.

Джон оставил после себя хоть что-то: трудовой договор, медицинскую карту, просроченные счета. Бумажный след, пусть и тонкий, как паутина, но он вёл куда-то. По нему можно было идти. Элис же не оставила ничего.

— Фамилия, — сказала Клара, когда они собрались у неё в ординаторской через три дня после визита в офис.

— Мы даже не знаем её фамилии.

— Она не говорила, — ответил Лиам.

— Я спрашивал однажды. Она сказала: «Зачем тебе? Это не важно».

— Всем нам говорила, — кивнула Марта.

— Я думала, может, она скрывается от кого-то. От бывшего мужа, от долгов, от прошлого. Но я никогда не спрашивала прямо. Мне казалось — не имею права.

Оливер сидел в углу и молча перебирал пальцами край страницы какого-то медицинского справочника, который он взял со стола Клары машинально, даже не заметив. Он слушал. И с каждым словом всё глубже уходил в себя.

Клара подняла медицинские базы. Всех пациентов клиники, которым проводили процедуру «Паралич жизни», регистрировали под настоящими именами — таково было требование лицензии. Джон Кросс там был. Виктор — был. Оливер, Лиам, Марта — все были. Даже Маркус был. Элис — нет.

— Может, она записалась под другим именем? — предположил Лиам.

— Может, она вообще не пациент? Может, она...

Он осёкся. Потому что других вариантов не было. Если Элис не была пациентом — кем она была? Кто она такая?

— Она была там, — тихо сказала Марта.

— Я видела её. Я разговаривала с ней. Я держала её за руку. Она была настоящей.

— Но в базе её нет, — Клара закрыла ноутбук.

— Я проверила всё. По датам, по описанию, по имени. Ничего.

— А что насчёт её комнаты?

— вдруг спросил Лиам. — В Отеле у каждого была комната — копия реальной. У Джона — его квартира с дурацкими обоями. У меня — моя спальня. У Марты — гостиная. У Элис — комната с книгами и чашкой. Если найти, откуда эта комната...

— Мы не можем попасть в Отель, — перебила Клара. — Мы не знаем, как. И не факт, что он ещё существует.

— И не факт, что мы хотим туда возвращаться, — добавила Марта.

Снова тишина.

Тогда они начали придумывать. Не факты — версии. Потому что фактов не было, а пустоту нужно было чем-то заполнять.

— Может, она была из другого города, — сказал Лиам.

— Приехала сюда специально ради клиники. Поэтому её нет в местных базах.

— Может, она была нелегально, — добавила Клара.

— Без документов. Без регистрации. Поэтому и фамилию не называла.

— Может, она вообще не существовала, — тихо произнесла Марта и тут же осеклась, потому что фраза прозвучала страшнее, чем она хотела.

— Существовала, — сказал Оливер.

Все повернулись к нему. Он впервые за весь вечер подал голос. Его лицо было бледным, пальцы, сжимавшие край справочника, побелели.

— Она существовала. Я знаю. Я... — он запнулся.

— Я видел её не только в Отеле.

— Что? — Клара подалась вперёд.

— О чём ты?

— Не знаю, — он потёр лоб.

— Иногда мне кажется, что я видел её раньше. До клиники. До Отеля. Где-то ещё. Но я не помню где. Не помню когда.

— Это невозможно, — сказал Лиам.

— Мы все познакомились в Отеле. Ты же сам говорил.

— Я знаю, что я говорил. Я знаю, что это невозможно. Но я... я просто знаю.

Оливер замолчал. И в этой тишине каждый из них вдруг осознал: Элис была с ними — но не была им известна. Она была рядом — но оставалась незнакомкой. Она говорила — но никогда не рассказывала. И теперь, пять лет спустя после её смерти, они поняли, что не знают о ней ровным счётом ничего.

— Мы её не найдём, — сказала Клара.

— По крайней мере, так. Нам нужен другой путь.

— Какой? — спросил Лиам.

— Тот, который начинается не с документов. Тот, который начинается с людей. Кто-то же её знал. Кто-то же был с ней рядом до того, как она пришла в клинику. Должен быть хоть кто-то.

— Если она была такой же, как мы, — тихо сказала Марта, — то, возможно, никого и не было. Мы все пришли в Отель, потому что нам было некуда идти. Может, она — больше всех.

И с этим они разошлись в тот вечер. Без ответов. Без зацепок. Только с вопросами, которых стало больше, чем было утром.

Оливер вернулся домой, сел за стол и долго смотрел на стопку листов. Потом взял ручку и написал на полях — не зная зачем, не понимая, откуда взялась эта мысль:

«Элис. Кто ты?»

И ниже, другим почерком — или тем же, но дрожащим, — появилась строчка, которую он не планировал писать:

«Я — та, кого ты придумал».

Оливер замер. Перечитал. Провёл пальцем по чернилам — они были сухие. Значит, написал он сам. Но слов он не помнил.

За окном темнело. Тикали часы. Где-то далеко — или близко — шумел туман.

Часть 3. Память

На следующий день они собрались снова — в квартире Лиам, потому что она была самой маленькой и самой пустой, а значит, никто не чувствовал себя чужим. Стены здесь были голыми, если не считать одного — единственного постера старой рок-группы, который Лиам повесил ещё в первый месяц после переезда и с тех пор не снимал. Стол, три стула, диван с продавленной пружиной. Чайник, который он так и не починил. На подоконнике — мёртвый кактус, про который он всё время забывал.

Они расселись кто где: Марта — на диван, Клара — на подоконник, поджав ноги, Лиам — на стул верхом, как когда-то сидел Маркус в офисе. Оливер стоял у двери, прислонившись плечом к косяку, и смотрел в пол. Маркус не пришёл — сказал, что у него работа, но, возможно, просто не хотел возвращаться в то, от чего когда-то сбежал. Или не хотел видеть, как те, кого он считал друзьями, добровольно идут обратно в ловушку.

— Значит так, — начал Лиам без предисловий.

— У нас есть три варианта. Первый: мы забываем про всё и продолжаем жить дальше. Приходим раз в год на кладбище, кладём цветы и делаем вид, что всё в порядке.

— Это не вариант, — тихо сказала Марта.

— Мы уже пробовали. Пять лет пробовали.

— Второй: мы продолжаем искать в реальности. Документы, свидетели, старые знакомые. Но мы уже упёрлись в стену с Элис. И неизвестно, сколько времени уйдёт на то, чтобы пробить эту стену. Если она вообще пробивается.

— И третий? — спросила Клара, хотя уже знала ответ.

Лиам помолчал. Потом выдохнул — долго, как перед прыжком в холодную воду.

— Третий: мы возвращаемся. В клинику. В «Паралич жизни». Находим комнату Элис и ищем там. Потому что там — её настоящие вещи. Её книги. Её чашка. Может быть, её записи. Может быть, что-то, что она оставила.

Тишина упала, как камень. Клара смотрела на свои руки, сложенные на коленях. Марта перебирала край пледа. Лиам ждал.

— Мы не знаем, работает ли ещё эта клиника, — сказала Клара. — Мы не знаем, существует ли ещё Отель. Мы не знаем, безопасно ли это.

— Мы ничего не знаем, — согласился Лиам.

— Но мы хотя бы попробуем. Или так и будем сидеть и гадать.

— Это может убить нас, — сказала Марта.

— Ты же помнишь, что случилось с Виктором. С Джоном. С Элис.

— Я помню, — ответил Лиам.

— Поэтому я и предлагаю голосовать. Потому что один я это решать не хочу.

Он обвёл взглядом комнату.

— Кто за?

Первой руку подняла Марта. Медленно, неуверенно, морщинистая ладонь дрожала в воздухе, но она подняла её. Потом Клара — она закрыла глаза, вздохнула и подняла. Потом Лиам — он усмехнулся невесело и поднял свою.

Оставался Оливер.

Он стоял у двери, всё так же глядя в пол. На его лице не было ни страха, ни решимости. Было что-то другое — что-то, похожее на тоску. На предчувствие. На знание, которое он не мог высказать словами.

— Оливер? — позвал Лиам.

— Ты с нами или...

— Я уже там, — тихо ответил Оливер.

— Я там всё время. Я не уходил.

Никто не понял, что он имел в виду. Но он поднял руку.

Четыре руки в пустой квартире.

— Хорошо, — выдохнул Лиам.

— Тогда завтра. С утра. Идём в клинику.

На следующий день они встретились у метро в семь утра. Февральский рассвет был серым, как газетная бумага. Снег сменился дождём, и лужи под ногами отражали низкое небо. Никто не взял с собой лишних вещей — только документы, только деньги на процедуру, только страх, который каждый прятал по-своему: Лиам — за молчанием, Клара — за деловитостью, Марта — за молитвой, которую она шептала всю дорогу.

Оливер не спал всю ночь. Он сидел за столом, смотрел на стопку листов и пытался вспомнить, когда написал последнюю страницу. Он не помнил. Перед выходом он сунул несколько листов в карман пальто — сам не зная зачем. Может быть, чтобы сверяться. Может быть, чтобы доказать себе, что он не сумасшедший. Может быть — чтобы дописать то, что начал.

Здание клиники встретило их тем же белоснежным фасадом, что и пять лет назад. Только теперь на стеклянных дверях висела табличка: «Временно закрыто». Краска на вывеске «Клиника сна. Инновационная терапия» облупилась. Стекла запылились. Но внутри горел свет.

— Закрыто? — Клара прижалась лицом к стеклу.

— Там кто-то есть. Я вижу движение.

Лиам толкнул дверь. Она поддалась.

Внутри пахло так же, как в тот день, когда Джон впервые переступил этот порог: озон, сладковатый аромат увядающих лилий, что-то стерильное и одновременно живое. Только теперь к этому примешивался запах запустения. Пыль на стойке регистрации. Перевернутый стул в углу. Монитор, который всё ещё работал — на экране медленно плавала заставка с логотипом клиники.

— Есть кто-нибудь? — крикнул Лиам. Голос разнёсся по пустому коридору и вернулся эхом.

Никто не ответил.

За стойкой регистрации, в полумраке, сидел человек. Он был в том же светло-голубом костюме, что и санитары пять лет назад. Он не двигался. Его глаза были открыты. Но он не дышал.

— Он... — Клара подошла ближе, приложила пальцы к его шее. — Пульса нет.

— Давно? — спросил Лиам.

— Не знаю. Но он холодный. Очень холодный.

Оливер, не говоря ни слова, прошёл мимо них вглубь коридора. Его шаги были медленными, но уверенными — как будто он шёл по маршруту, который помнил наизусть. Четвёртая дверь слева. Та самая. Кабинет с капсулами.

— Оливер, подожди! — Клара бросилась за ним. Остальные — следом.

Капсулы стояли на месте. Те же матовые корпуса, те же прозрачные крышки, те же проводки, подключённые к мониторам. Только теперь они были покрыты пылью. И только одна капсула — крайняя слева — светилась. Её монитор работал. На экране бежали строки данных. И в капсуле кто-то лежал.

— Это... — Лиам подошёл ближе.

— Это же...

— Виктор? — прошептала Марта, и её голос дрогнул.

Но это был не Виктор. Тело в капсуле было слишком хрупким, слишком бледным, слишком чужим. Это был кто-то, кого они не знали. Кто-то, кто лёг сюда уже после того, как клиника закрылась. Или до того. Или вообще не выходил.

Оливер стоял перед капсулой и смотрел на тело. Его лицо было спокойным, но глаза — глаза были где-то далеко.

— Они все ещё здесь, — сказал он тихо.

— Все, кто не вернулся. Они ждут.

— Чего ждут? — спросил Лиам.

— Не чего, — Оливер повернулся к нему.

— Кого.

Он подошёл к свободной капсуле, той, что стояла рядом. Провёл рукой по холодному пластику.

— Мы ищем комнату Элис. Для этого нужно попасть в Отель. Для этого нужно лечь в капсулу. Всё просто.

— Просто? — Клара покачала головой. — Оливер, ты же помнишь, что случилось с теми, кто остался там надолго? С Виктором? С Джоном? С Элис?

— Я помню.

— И ты готов рискнуть?

Оливер посмотрел на неё. В его серых глазах, спрятанных за стёклами очков, было что-то, чего Клара никогда раньше не видела. Не страх. Не решимость. Что-то другое. Что-то похожее на обречённость. Или на надежду, которая уже не отличается от обречённости.

— Я не рискую, — сказал он.

— Я возвращаюсь домой.

Он лёг в капсулу. Закрыл глаза. И прежде чем кто-либо успел его остановить, нажал кнопку на внутренней панели.

Крышка медленно опустилась. Монитор ожил. Где-то в глубине машины загудел механизм, который не работал пять лет — и заработал снова.

— Оливер! — Клара бросилась к капсуле, но было поздно.

На экране побежали строки:

«Субъект: Оливер Верландский. Статус: подключён. Фаза: погружение».

Лиам стоял, не в силах пошевелиться. Марта перекрестилась. Клара прижала ладонь к прозрачной крышке и смотрела, как лицо Оливера — уставшее, бледное, с морщинкой между бровей — медленно разглаживается. Как будто он наконец уснул. По-настоящему.

— Мы должны идти за ним, — сказала она.

— Он один там не справится.

— Мы даже не знаем, куда идти, — ответил Лиам.

— Знаем. В Отель. В его комнату. В комнату Элис.

Она обернулась. Рядом стояли ещё три свободные капсулы.

— Кто со мной?

Часть 4. Клиника

Лиам стоял над телом санитары и не мог отвести взгляд. Человек в светло-голубом костюме сидел за стойкой регистрации, откинувшись на спинку стула, с открытыми глазами и застывшим лицом — не искажённым болью, не испуганным, а просто... пустым. Как будто кто-то выключил его. Как будто он не умер, а остановился.

— Мы не можем идти все, — сказал Лиам. Голос прозвучал глухо, но твёрдо. Он наконец оторвал взгляд от мёртвого санитары и повернулся к остальным. — Здесь что-то неладное.

Клара, уже стоявшая у второй капсулы, обернулась.

— В смысле?

— В прямом. Почему это здание заброшено? Почему вывеска облупилась, а внутри — свет? Почему капсулы работают, а персонал... — он кивнул на санитары, — мёртвы? Как такое могло произойти?

Марта медленно опустилась на край стула, который чудом уцелел в углу вестибюля. Её пальцы, сжимавшие ремешок сумки, побелели.

— Может, авария? — предположила Клара. — Может, что-то случилось с аппаратом, и всех эвакуировали, а он просто не успел...

— Тогда почему тело не убрали? — перебил Лиам.

— Почему оно до сих пор здесь? Прошло пять лет, Клара. Пять лет. Кто-то должен был прийти. Полиция. Родственники. Санитары. Но он сидит здесь как будто вчера. Ты сама сказала — он холодный, но не разложился. Ты понимаешь, что это значит?

Клара замолчала. Она была медсестрой. Она знала, как выглядят тела через день, через неделю, через месяц. Этот человек выглядел так, будто умер несколько часов назад. Но клиника была закрыта годами.

— Здесь что-то не так с временем, — тихо произнёс Оливер из капсулы. Он уже лежал, но крышка ещё не закрылась до конца — он задержал её рукой. Его голос звучал спокойно, слишком спокойно для человека, который собирался нырнуть в искусственный сон в заброшенной клинике с мёртвым санитаром в вестибюле. — Здесь всегда было что-то не так с временем. Вы разве не замечали? В Отеле дни не отличаются от ночей. Часы идут то вперёд, то назад. Мы провели там месяцы, но никто из нас не может сказать точно, сколько. Может, здесь то же самое. Может, время течёт иначе.

— Или не течёт вообще, — добавил Лиам.

Он обвёл взглядом вестибюль: пыль на стойке, перевернутый стул, мигающий монитор, санитар с открытыми глазами. Всё это было похоже на стоп-кадр. На сцену, которую кто-то поставил на паузу и забыл выключить.

— Поэтому я и говорю: мы не можем идти все. Один — в капсулу. Двое — здесь, на охране. Если что-то пойдёт не так — если кто-то войдёт, если отключится электричество, если капсулы начнут сбоить, — эти двое смогут вытащить остальных.

— А если эти двое не справятся? — спросила Марта.

— Тогда хотя бы кто-то останется, чтобы рассказать, — ответил Лиам.

— Или чтобы позвать помощь. Или чтобы просто... знать.

Клара посмотрела на капсулу Оливера. Потом на свою. Она уже почти легла, но теперь остановилась.

— Кто идёт туда? — спросила она.

— Я, — сказал Оливер.

— Я уже там. Считайте, что я на разведке.

— Этого мало, — возразил Лиам.

— Оливер... он не в себе в последнее время. Ты сам знаешь. Ему нужен кто-то рядом.

Оливер ничего не ответил. Он просто закрыл глаза и отпустил крышку. Она опустилась с мягким шипением. Монитор ожил.

— Тогда я, — сказал Лиам.

— Я пойду за ним.

— Нет, — Клара шагнула вперёд.

— Ты нужен здесь. Ты единственный, кто заметил, что что-то не так. Ты единственный, кто задаёт правильные вопросы. Если ты уйдёшь — кто будет думать за нас?

— Ты.

— Я медсестра, Лиам. Я умею следить за приборами и держать за руку. Это не то же самое.

Лиам хотел возразить, но осёкся. Он посмотрел на Марту. Она сидела на стуле, прямая, как статуя, и смотрела перед собой.

— Марта? — позвал он.

— Я пойду, — сказала она.

Все замолчали.

— Марта, тебе шестьдесят...

— Шестьдесят четыре. И я прожила достаточно, чтобы не бояться. А вы — вы ещё молоды. У вас есть время.

— У тебя тоже есть время, — сказала Клара.

— Моё время — это мои дети, которые не звонят, и мои ученики, которые меня забыли, — она встала.

— А там, — она кивнула в сторону капсул, — там люди, которые меня помнят. Которые ждут. Я не знаю, живы ли они. Но если живы — я хочу их увидеть.

Она подошла к свободной капсуле. Провела ладонью по пыльной крышке.

— Я вязала шарф. Для Виктора. Он так и не закончен. Может быть, я успею его довязать. Лиам смотрел на неё и молчал. Потом кивнул.

— Хорошо. Ты и Оливер — внутрь. Я и Клара — здесь. Если через час вы не вернётесь...

— Мы вернёмся, — сказала Марта. — А если нет — вы знаете, что делать.

Она легла в капсулу. Клара помогла ей закрепить электроды на висках, проверила пульс, поправила плед — тот самый, персиковый, который Марта так и не сняла.

— Готова? — спросила Клара.

— Всегда была готова, — ответила Марта.

— Просто никто не звал.

Крышка опустилась. Монитор ожил. Теперь работали три капсулы из четырёх.

Лиам и Клара остались в вестибюле. Он сел на пол, прислонившись спиной к стене. Она встала у двери, глядя на улицу сквозь пыльное стекло. Дождь усилился. Капли стучали по стеклу, как пальцы. Где-то в глубине здания гудели механизмы.

— Как думаешь, что они там увидят? — спросила Клара.

— Не знаю, — ответил Лиам.

— Но надеюсь, что не туман.

Они замолчали. Мониторы тихо попискивали в такт сердцам тех, кто спал. Санитар за стойкой всё так же смотрел в пустоту. И время — если оно здесь было — тянулось медленно, как смола.

Часть 5. Отель

Оливер открыл глаза.

Никакого перехода. Никакой дрёмы. Только что он лежал в капсуле, чувствуя, как холодный пластик давит на позвоночник, — и вот он уже сидит на кровати. Своей кровати. В своей комнате. Той самой, которую он не видел пять лет и помнил до последней трещины на потолке.

Всё было на своих местах. Книжный стеллаж до потолка, забитый томами в мягких обложках, которые он собирал всю жизнь. Письменный стол у окна, на нём — стопка листов, исписанных мелким, убористым почерком. Лампа с зелёным абажуром. Кресло, обитое вытертым вельветом, в котором он провёл сотни часов за чтением. За окном — всё тот же сумеречный свет, что и всегда. Не день, не ночь. Просто свет.

Оливер спустил босые ноги на пол. Половицы были тёплыми — или ему казалось, что тёплыми. Он пошевелил пальцами, ощущая знакомую фактуру дерева.

— Вот я и дома, — произнёс он вслух.

Голос прозвучал глухо, но не испуганно. Скорее — устало. Так говорит человек, который вернулся из долгого путешествия, не пришедшего ни к чему, кроме понимания: он зря уезжал.

Он встал. Подошёл к столу. Провёл пальцами по листам — тем самым, которые он не помнил, как писал. Их стало больше. Он был уверен, что оставил меньше. Но сейчас стопка выросла — аккуратная, ровная, как будто кто-то ждал его и продолжал работать.

Оливер не стал читать. Он знал, что прочтёт позже. Или не прочтёт. Или прочтёт и не узнает собственных слов. Вместо этого он подошёл к двери и вышел в коридор.

Коридор встретил его всё той же бордовой ковровой дорожкой, всё теми же бра на стенах, льющими тусклый желтоватый свет.

Двери — десятки дверей — уходили в обе стороны. Он знал каждую. Или почти каждую.

Одна из них открылась.

Марта переступила порог своей комнаты и замерла на секунду, привыкая к ощущению. Оно было странным — как будто она никогда не уходила. Вот её гостиная. Вот камин, в котором никогда не горел огонь, но от которого всегда шло тепло. Вот кресло, в котором она сидела вечерами, перебирая спицы. Вот корзина с пряжей — той самой, персиковой, которая почему-то никогда не заканчивалась. Вот шарф. Тот самый, незаконченный. Он лежал на подлокотнике, и спицы всё ещё торчали из петель.

— Ох, — выдохнула Марта.

— Опять я здесь.

Она произнесла это с интонацией, которая могла бы показаться раздражённой, если бы не лёгкая, едва заметная улыбка, тронувшая её губы. Она оглядела комнату — так, как оглядывают старую квартиру, в которой не были много лет: всё знакомо, но как будто немного подёрнуто пылью.

Она поправила кардиган, одёрнула рукава и направилась к двери. Ступала она осторожно, но не от страха — от возраста. Ноги уже не те, что пять лет назад. Но здесь, в Отеле, боль чувствовалась иначе — приглушённо, как через подушку. Может быть, поэтому она и согласилась вернуться. Здесь у неё не болели суставы. Здесь она могла ходить без трости.

Дверь открылась легко, без скрипа. В коридоре уже стоял Оливер. Он ждал.

— Доброе утро, — сказала Марта.

— Здесь нет утра, — ответил Оливер.

— Но да. Доброе.

Они стояли друг напротив друга — профессор литературы и старая учительница, двое из семи, вернувшиеся туда, откуда когда-то сбежали. В коридоре было тихо. Где-то далеко — или близко — скрипнула дверь, которую никто не открывал.

— Комната Элис, — сказала Марта. — Ты помнишь, где она?

— Четвёртая дверь направо от моей. Или пятая. Или шестая, если считать от лестницы.

— Ты не помнишь.

— Здесь всё меняется, — Оливер чуть пожал плечами.

— Но я найду.

Они пошли по коридору. Шаги тонули в мягком ворсе ковра. По обе стороны тянулись двери — закрытые, с латунными табличками без имён. Марта считала их про себя: раз, два, три...

— Как думаешь, мы здесь одни? — спросила она.

— Нет, — ответил Оливер. — Здесь никогда не бывает по-настоящему пусто. Ты просто не всегда видишь тех, кто рядом.

Марта хотела спросить, что он имеет в виду, но не стала. Вместо этого она остановилась перед одной из дверей — той, что ничем не отличалась от остальных, кроме одной детали: на латунной табличке кто-то выцарапал букву «Э».

— Здесь, — сказала Марта.

Оливер кивнул. Он знал, что она права. Он чувствовал это — по запаху лаванды, который просачивался сквозь щель под дверью. По едва заметной вибрации в воздухе. По тому, как сердце — или то, что здесь заменяло сердце, — забилось быстрее.

Он взялся за ручку.

— Ты готова?

— А ты?

Оливер не ответил. Он открыл дверь.

Комната Элис была точно такой же, как пять лет назад. Узкая железная кровать. Плед грубой вязки, сложенный в ногах. Книжный стеллаж. Чашка с трещинкой на подоконнике. Запах лаванды и старой бумаги. Всё на своих местах. Как будто она только что вышла — на минуту, на две, — и вот-вот вернётся.

Но на столе, которого Оливер не помнил, лежала тетрадь. Тонкая, в мягкой обложке, с пожелтевшими от времени страницами. Он не помнил, чтобы Элис что-то писала. Она всегда читала — но не писала. Или писала, но не показывала.

Марта подошла к столу. Провела пальцем по обложке. На ней не было имени. Только одно слово, выведенное от руки, тем же почерком, которым были исписаны листы в комнате Оливера:

«Вспоминай».

— Что это значит? — прошептала Марта.

Оливер стоял у двери и смотрел на тетрадь. Его лицо было бледным. Палыцы, сжимавшие дверной косяк, побелели.

— Это значит, — сказал он медленно, — что она знала. Знала, что мы вернёмся.

Он подошёл к столу. Открыл тетрадь. И на первой странице, тем же аккуратным, с лёгким наклоном влево почерком, прочитал:

«Меня зовут Элис. Я не знаю, кто вы. Но если вы это читаете — значит, меня уже нет. И значит, вы пришли, чтобы узнать правду. Правда в том, что я не та, кем вы меня считали. И я помню то, чего не должна помнить. Например, я помню вас. Всех. Ещё до того, как мы встретились. Ещё до того, как Отель стал Отелем. Ещё до того, как Оливер написал первую страницу».

Оливер перестал дышать.

— Этого не может быть, — прошептал он.

— Я не... я не писал...

— Читай дальше, — тихо сказала Марта.
Он перевернул страницу.

Часть 6. Страница

Он перевернул страницу. Пальцы дрожали — не от страха, а от чего-то более глубокого, чего он ещё не мог назвать. Строчки прыгали перед глазами, но он заставил себя читать.

«Я помню день, когда Оливер написал первую страницу. Он сидел за столом в своей квартире, за окном шёл дождь, и он думал, что придумывает меня. Он дал мне имя. Он дал мне чёрное платье. Он дал мне привычку теревить край пледа и пить чай из чашки с трещинкой. Он думал, что создаёт персонажа. Но я уже существовала. Я ждала, пока он напишет меня, чтобы проснуться.

Я не знаю, кто из нас появился раньше. Может быть, он придумал меня. Может быть, я придумала его. Может быть, мы оба — чей-то сон. Но это не важно. Важно то, что я помню всё. Каждую страницу, которую он написал. Каждую сцену, которую он не дописал. Каждого персонажа, которого он стёр.

И я помню туман. Туман — это не просто дымка. Это то, что остаётся, когда автор не может закончить историю. Это черновики. Это забытые идеи. Это люди, которых он начал придумывать и бросил. Они не умирают — они просто перестают быть. И остаются здесь. В тумане. Ждут, пока он вернётся и допишет. Или пока кто-то другой не допишет за него.

Оливер не знает этого. Или знает, но не хочет помнить. Он думает, что он просто пациент. Что он один из нас. Но это не так. Он — автор. И Отель — это его книга. А мы — его герои. И если он умрёт там, в реальности, мы все исчезнем вместе с ним. Если только...»

Оливер остановился. Буквы на странице расплывались. Он снял очки, протёр их краем рубашки, снова надел. Ничего не изменилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.